

блюдцем в открытое окно. Уличная толпа ответила веселыми аплодисментами. И тогда все остальные чашки и блюда последовали за первыми.

В 14 лет (долговязый, в сюртуке и при кружевах) Гете шел на концерт Моцарта с изрядной долей скептицизма. Моцарту-то было всего 7, а на вид, несмотря на шпагу на боку, и того меньше... Если и были у бедного Гете мечты о музыкальной карьере, после концерта они испарились. Зато заинтриговала проблема гения. Моцарт навсегда остался для него идеалом гениального художника. А музыка — небесным искусством, таинственным зеркалом всемирной жизни.

Ему предстояла карьера юриста. Два университета готовили его в кандидаты права: Лейпцигский, где он потом «трудодушит» Фауста, и Страсбургский, где он встретился с Гердером.

Не позавидуешь тому, кто родился в те годы в Германии с

дет через всю жизнь Гете. Никогда он не противопоставит себя миру. И поражения (а их было немало) охотно примет на свой счет. На то и гений, чтобы сразу ощутить себя голосом и сердцем народа. И тогда любая тема становится национальной.

Так родится в 1774 году Вертер. Подумаешь, сюжет: не сложился роман с замужней женщиной, он и застрелился. Удивительно другое. Вскоре «Вертер» был переведен на все языки Европы и заставил рыдать не только легкомысленного Сергея Львовича Пушкина, но и железного Наполеона. Продолжения и варианты шли с книжных прилавков пудами. Во многих — застрелившийся выдворяли и женился. Но публика была уже испорчена и желала рыдать над погибшим. Плакали даже на балете С. Н. Титова «Новый Вертер», шедшем в 1799 году в допушкинском Петербурге. Фразы и возгласы юного Вертера разошлись по тысячам лирических строк.

Кстати, прочитайте-ка эту повесть сейчас. Ручаемся, что и вы заплачете. Не только Вертера, всех других станет жалко. Потому что гибнет в романе не только Вертер — гибнет душа, полная света

и любви, гибнет талант, не нашедший нигде применения. А общество, которому не нужны ни любовь, ни талант, продолжает благоденствовать. Цензура не понимает, что роман снарядом взрывается в общественный строй. А публика почуствовала, наиболее смелая прямо об этом заговорила.

Всего два слова сказал о Вертере А. С. Пушкин. Но какие: «Мученик мятежный!» А сам Гете? Может, он ничего такого не предполагал? Предполагал. Лет через 50 в одном разговоре признался, что книга его была «начинена взрывчаткой».

Вместе с «Вертером» был задуман и Фауст, тоже недоловый жизнью. Личность, между прочим, реальная. В Москве бывал при Иване Грозном. Фауст тоже собирался покончить с собой... Спасла музыка, колокольный звон: «Река гудящих звуков отвела // От губ бокал с отравой...»

Среди читателей «Вертера» был и юный веймарский герцог Карл-Август, пригласивший поэта к своему двору с обещанием полной свободы. Гете предлагалось при этом усовершенствовать целую страну практически.

Веймар и сейчас небольшой городок, тогда же в нем и вовсе было около 6 тысяч жителей, во всем же герцогстве — не более 100. Но имелись и канцелярия герцога, и правительство, и госсовет. Была армия, которую усилиями Гете удалось сократить с 500 до 390 человек. Более чем на 20 процентов.

Государственная деятельность настигла юного и пылкого поэта в 26 лет и бросила в объятия реальности: строительство, образование, сады, театр, библиотека... В отличие от Вертера Гете выжил. Но хмельную лирику отодвинуло

трезвое дело. «Стихи — это поцелуй, — скажет он. — Но от поцелуев дети не рождаются».

Хлебнувшая прозы душа нашла утешение в науке. Это был настоящий «приступ объективности». Оптика, геология, ботаника, зоология, анатомия, антропология — и все это на мировом уровне, не жалея сил. Научные работы составят в итоге 14 томов собрания его сочинений. А ведь это только конечные результаты! Хорошо-то хорошо, но лучшие годы — от 26 до 37 — прошли для его поэзии почти бесплодно. Вспомним, что как раз в эти годы уместился весь зрелый Пушкин. Умри Гете в пушкинские годы, остался бы в мировой памяти ученым, начавшим карьеру стихами и романом.

Гете не просто крупнейший ученый среди поэтов, он и в самом деле заслужил внимание Кювье, Гельмгольца, Вернадского, Гейзенберга. И все же представит себе поэта утонувшим в науке! Какая драма духа и сердца!

Спасением оказался «приступ искусства». С этих пор лирика и наука чередуются в его жизни как вдох и выдох, иногда угрожая друг другу, иногда любовно союзничая. Есть у Гете стихи о метамор-

фозе в мире растений и животных. Но прославят его другие, те, что станут народными песнями. На стихи Гете написано и более 100 русских романсов. Среди них «Горные вершины», «Нет, только тот, кто знал» и гениальная «Блоха».

Приступ искусства настиг Гете на отдыхе, в Карлсбаде, самом итальянском из чешских городов. И буквально по-мексикански перенес в отчужденное искусство Италию: Венеция, Флоренция, Милан, Неаполь, Рим. Радость освобождения была грандиозной. Гете трижды восходил на Везувий, заглянул даже в дымящееся жерло вулкана, но грозный голос из пекла вернул его на место.

Рим раскрыл перед ним геологию человечества, гигантские слои падающей и восходящей культуры. В Италии Гете вновь почувствовал себя страбургским юным гением, только с громадным грузом знаний и опыта за плечами. Его творческий вулкан ожил, и сами собой завершились «Ифигения в Тавриде», «Эгмонт», «Римские элегии»... Открывался вид на 2-ю часть «Фауста», где вся мировая история сплетается едва ли не со всей мировой наукой.

Французская революция не застала его врасплох. Идеалы ее, помнится, одобрялись еще в страбургском кафе. Но средства их достижения оказались безумными. Как будто заветные планы Фауста взялось осуществлять Мефистофель: «Тотчас давай душить!» Ну, а народ? «Нищий народ опять потащит свой мешок, и какая разница, будет он оттягивать правое плечо или левое.»

У себя в Веймаре он думал лишь о том, чтобы восполноваться уроками французской революции, не перенимая ее приемов и просчетов. Гете был уверен, что в этом вопросе крайне полезен

опыт Наполеона. Симпатия между ними была взаимной. Пробегаю через Веймар из негогостеприимной России в декабре 1812 года, Наполеон успел передать ему привет.

Но годы революции и наполеоновских войн снова благоприятствовали прозе и науке. Лишь в 1814 году на волне нового поэтического порыва он напишет свой «Западно-Восточный диван». Кажется, мы только сейчас созрели, чтобы оценить предпринятый в нем синтез культур Запада и Востока. А какие стихи!

Север, Запад, Юг в развале,
Пали троны, царства пали.
На Восток отправься дальний
Воздух пить патриархальный...

В эти же годы Гете все больше слушает музыку. В 1821 году он был покорен талантами юного Ф. Мендельсона: его игрой и импровизациями, мыслями об искусстве и знаниями ее шедевров и секретов. «Второму изданию Моцарта» не хватало, может быть, «только» моцартовской наивности и простоты. Действительно, через несколько лет Гете был порядочно разочарован, услышав собственную музыку Мендельсона.

Гете слышал и Паганини, которого назвал «столбом пламени и тумана». А в 1823 году его очаровала Мария Шимановская. «Двойное счастье — музыка и страсть», — напишет он в стихах, ей посвященных. Кстати, через пять лет Шимановская будет играть для Пушкина, и в ее альбоме появится фраза из будущего «Каменного гостя»: «Из наслаждений жизни // Одной любви музыка уступает. // Но и любовь — мелодия».

В начале 1820-х годов 70-летний Гете казался уже старцем, завершающим путь, но его поэтический вулкан проснулся снова. Коварная судьба обрушилась на него в том же Карлсбаде. 74-летний поэт по-юношески влюбился. Старый, мудрый Фауст вдруг без всякой дьявольщины вновь стал прекрасным юношей. По крайней мере, он почувствовал себя именно так. Ежедневные прогулки, работа в саду, вольный веймарский воздух снабдили его божественным запасом здоровья. И кто виной, что взгляды 18-летней Ульрики показались ему не просто восторженным? Но мать, сама почти 40 годами моложе Гете, пресекала вспыхнувший роман, отвергнув его твердую руку и не в меру пылкое сердце.

На этой эмоциональной волне он смог закончить «Фауста». Лет 20 книга лежала без движения, но вот в 1824 году ожила и устремилась к финалу. «Всего» 60 лет понадобилось, чтобы довести ее до конца. Преклонный старец завершил свою «гениальную студенческую выходку». Каждый день, по несколько строк, по четверти страницы...

...Ясен предо мною
Конечный вывод мудрости земной:
Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой.
Финал Фауста символичен. Люди, наконец, достигли главного. В разумно преобразованном мире мы видим «народ свободный на земле свободной». Но Фауст этого не видит. Он ослеп. И может быть потому ему кажется, что все, наконец-то, обстоит как надо...

Елена и Валерий УКОЛОВЫ
Портрет работы О. Кипренского

НЕРАЗРЕШИМАЯ ЖИЗНЬ

Имя Гете звучит сейчас в России глухо. Даже юбилей мало что изменил в этом отношении. Время уже вылепило из него величественную литературную пирамиду. А он мечтал быть светом в пути, голосом со дна каждой человеческой души. Не зря Наполеон при первой же встрече оценил Гете: «Вот это человек!!!» Женщины, дети, слуги и кучер знали это и все Наполеона.

Кстати говоря, император Франции беседовал с поэтом не только о своем любимом романе «Страдания юного Вертера» (Бонапарту временами хотелось написать нечто подобное), но и о высокой политике и просто о жизни.

Жизнь была тот предмет, в котором Гете разбирался прекрасно. Может быть потому, что все остальные дисциплины считал факультативными.

Лет в 30 он стал действительным тайным советником и министром, а в 33 даже дворянином фон Гете. Но не забыл, что остался при этом внуком портного и правнуком кузнеца: «Меня не волнуют падения тронов и царств. Сгоревшее крестьянское хозяйство — вот трагедия!»

Еще в юности он отверг непререкаемый призыв: «Познай самого себя!» «Познаю — и куда потом от себя бежать?» — пошутил он. В себе он видел только частицу той всеобщей жизни, которая бушевала вокруг и внутри. Поэтому его всегда волновало целое.

Жизнь как целое глубже и яснее всего дана в музыке. В ней — все настроения и все воспоминания, все надежды... Увлечение музыкой не обошло будущего поэта. Отец играл на флейте и на лютне, мать играла на фортепиано и пела. Еще лучше пел учитель итальянского. В результате мальчик выучил итальянские арии раньше, чем язык. Фортепиано тоже давалось легко.

Похоже, что и жажда немедленной и шумной славы была знакома ему с раннего детства. Однажды летом, допив чай, он нечаянно выбросил чашку с

умом и талантом. Страна раздроблена на мелкие куски, неукротимые в претензиях. Промышленность к боку. Чуть дышит на ладан разоренное крестьянство. Одна бюрократия кормится и цветет. Литературу кое-как содержат дворяне, и потому она то ли придворная, то ли дворянская. «Если бы Господь Бог не был Господь Бог, то Господом Богом были бы Вы, Ваше Высочество», — реальный литературный бриллиант той поры.

Группа студентов, нынешних и вчерашних, держится в страбургских кафе особняком. Формируется «Бура и натиск» — движение юных гениев. Толкует о философии, об искусстве, о народе... И кто больше всех говорит? Гете — юрист. А Гердер — вовсе теолог.

И если мы до сих пор прислушиваемся к этим разговорам, то хотя бы потому, что без них не было бы величайших достижений литературы, философии, может быть, даже музыки.

Искусство способно дышать только свободой. Но где ее взять? При дворе? Или, может быть, на рынке? На рынке, если есть грамотная публика, если искусства жаждет народ! Народ не хочет нас знать? Но и мы его не знаем. Проповедуя в церкви, Гердер как великого чуда ждал мгновений, когда раскрывается и сияет народная душа. Он же первым взялся за народные песни, увидел в них шедевры искусства. В символике и мифологии почувствовал национальные характеры, назвал нации «ликами человечества».

Говорит из глубины народной души, нации, человечества — так вот что такое поэзия. Дар Бога и народа, а не частное дело кучки утонченных людей! «Образоваться в слишком тесном круге не может благородный человек» — эта мысль прой-

дет через всю жизнь Гете. Никогда он не противопоставит себя миру. И поражения (а их было немало) охотно примет на свой счет. На то и гений, чтобы сразу ощутить себя голосом и сердцем народа. И тогда любая тема становится национальной.

Так родится в 1774 году Вертер. Подумаешь, сюжет: не сложился роман с замужней женщиной, он и застрелился. Удивительно другое. Вскоре «Вертер» был переведен на все языки Европы и заставил рыдать не только легкомысленного Сергея Львовича Пушкина, но и железного Наполеона. Продолжения и варианты шли с книжных прилавков пудами. Во многих — застрелившийся выдворяли и женился. Но публика была уже испорчена и желала рыдать над погибшим. Плакали даже на балете С. Н. Титова «Новый Вертер», шедшем в 1799 году в допушкинском Петербурге. Фразы и возгласы юного Вертера разошлись по тысячам лирических строк.

Кстати, прочитайте-ка эту повесть сейчас. Ручаемся, что и вы заплачете. Не только Вертера, всех других станет жалко. Потому что гибнет в романе не только Вертер — гибнет душа, полная света

и любви, гибнет талант, не нашедший нигде применения. А общество, которому не нужны ни любовь, ни талант, продолжает благоденствовать. Цензура не понимает, что роман снарядом взрывается в общественный строй. А публика почуствовала, наиболее смелая прямо об этом заговорила.

Всего два слова сказал о Вертере А. С. Пушкин. Но какие: «Мученик мятежный!» А сам Гете? Может, он ничего такого не предполагал? Предполагал. Лет через 50 в одном разговоре признался, что книга его была «начинена взрывчаткой».

Вместе с «Вертером» был задуман и Фауст, тоже недоловый жизнью. Личность, между прочим, реальная. В Москве бывал при Иване Грозном. Фауст тоже собирался покончить с собой... Спасла музыка, колокольный звон: «Река гудящих звуков отвела // От губ бокал с отравой...»

Среди читателей «Вертера» был и юный веймарский герцог Карл-Август, пригласивший поэта к своему двору с обещанием полной свободы. Гете предлагалось при этом усовершенствовать целую страну практически.

Веймар и сейчас небольшой городок, тогда же в нем и вовсе было около 6 тысяч жителей, во всем же герцогстве — не более 100. Но имелись и канцелярия герцога, и правительство, и госсовет. Была армия, которую усилиями Гете удалось сократить с 500 до 390 человек. Более чем на 20 процентов.

Государственная деятельность настигла юного и пылкого поэта в 26 лет и бросила в объятия реальности: строительство, образование, сады, театр, библиотека... В отличие от Вертера Гете выжил. Но хмельную лирику отодвинуло

трезвое дело. «Стихи — это поцелуй, — скажет он. — Но от поцелуев дети не рождаются».

Хлебнувшая прозы душа нашла утешение в науке. Это был настоящий «приступ объективности». Оптика, геология, ботаника, зоология, анатомия, антропология — и все это на мировом уровне, не жалея сил. Научные работы составят в итоге 14 томов собрания его сочинений. А ведь это только конечные результаты! Хорошо-то хорошо, но лучшие годы — от 26 до 37 — прошли для его поэзии почти бесплодно. Вспомним, что как раз в эти годы уместился весь зрелый Пушкин. Умри Гете в пушкинские годы, остался бы в мировой памяти ученым, начавшим карьеру стихами и романом.

Гете не просто крупнейший ученый среди поэтов, он и в самом деле заслужил внимание Кювье, Гельмгольца, Вернадского, Гейзенберга. И все же представит себе поэта утонувшим в науке! Какая драма духа и сердца!

Спасением оказался «приступ искусства». С этих пор лирика и наука чередуются в его жизни как вдох и выдох, иногда угрожая друг другу, иногда любовно союзничая. Есть у Гете стихи о метамор-

фозе в мире растений и животных. Но прославят его другие, те, что станут народными песнями. На стихи Гете написано и более 100 русских романсов. Среди них «Горные вершины», «Нет, только тот, кто знал» и гениальная «Блоха».

Приступ искусства настиг Гете на отдыхе, в Карлсбаде, самом итальянском из чешских городов. И буквально по-мексикански перенес в отчужденное искусство Италию: Венеция, Флоренция, Милан, Неаполь, Рим. Радость освобождения была грандиозной. Гете трижды восходил на Везувий, заглянул даже в дымящееся жерло вулкана, но грозный голос из пекла вернул его на место.

Рим раскрыл перед ним геологию человечества, гигантские слои падающей и восходящей культуры. В Италии Гете вновь почувствовал себя страбургским юным гением, только с громадным грузом знаний и опыта за плечами. Его творческий вулкан ожил, и сами собой завершились «Ифигения в Тавриде», «Эгмонт», «Римские элегии»... Открывался вид на 2-ю часть «Фауста», где вся мировая история сплетается едва ли не со всей мировой наукой.

Французская революция не застала его врасплох. Идеалы ее, помнится, одобрялись еще в страбургском кафе. Но средства их достижения оказались безумными. Как будто заветные планы Фауста взялось осуществлять Мефистофель: «Тотчас давай душить!» Ну, а народ? «Нищий народ опять потащит свой мешок, и какая разница, будет он оттягивать правое плечо или левое.»

У себя в Веймаре он думал лишь о том, чтобы восполноваться уроками французской революции, не перенимая ее приемов и просчетов. Гете был уверен, что в этом вопросе крайне полезен

опыт Наполеона. Симпатия между ними была взаимной. Пробегаю через Веймар из негогостеприимной России в декабре 1812 года, Наполеон успел передать ему привет.

Но годы революции и наполеоновских войн снова благоприятствовали прозе и науке. Лишь в 1814 году на волне нового поэтического порыва он напишет свой «Западно-Восточный диван». Кажется, мы только сейчас созрели, чтобы оценить предпринятый в нем синтез культур Запада и Востока. А какие стихи!

Север, Запад, Юг в развале,
Пали троны, царства пали.
На Восток отправься дальний
Воздух пить патриархальный...

В эти же годы Гете все больше слушает музыку. В 1821 году он был покорен талантами юного Ф. Мендельсона: его игрой и импровизациями, мыслями об искусстве и знаниями ее шедевров и секретов. «Второму изданию Моцарта» не хватало, может быть, «только» моцартовской наивности и простоты. Действительно, через несколько лет Гете был порядочно разочарован, услышав собственную музыку Мендельсона.

Гете слышал и Паганини, которого назвал «столбом пламени и тумана». А в 1823 году его очаровала Мария Шимановская. «Двойное счастье — музыка и страсть», — напишет он в стихах, ей посвященных. Кстати, через пять лет Шимановская будет играть для Пушкина, и в ее альбоме появится фраза из будущего «Каменного гостя»: «Из наслаждений жизни // Одной любви музыка уступает. // Но и любовь — мелодия».

В начале 1820-х годов 70-летний Гете казался уже старцем, завершающим путь, но его поэтический вулкан проснулся снова. Коварная судьба обрушилась на него в том же Карлсбаде. 74-летний поэт по-юношески влюбился. Старый, мудрый Фауст вдруг без всякой дьявольщины вновь стал прекрасным юношей. По крайней мере, он почувствовал себя именно так. Ежедневные прогулки, работа в саду, вольный веймарский воздух снабдили его божественным запасом здоровья. И кто виной, что взгляды 18-летней Ульрики показались ему не просто восторженным? Но мать, сама почти 40 годами моложе Гете, пресекала вспыхнувший роман, отвергнув его твердую руку и не в меру пылкое сердце.

На этой эмоциональной волне он смог закончить «Фауста». Лет 20 книга лежала без движения, но вот в 1824 году ожила и устремилась к финалу. «Всего» 60 лет понадобилось, чтобы довести ее до конца. Преклонный старец завершил свою «гениальную студенческую выходку». Каждый день, по несколько строк, по четверти страницы...

...Ясен предо мною
Конечный вывод мудрости земной:
Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой.
Финал Фауста символичен. Люди, наконец, достигли главного. В разумно преобразованном мире мы видим «народ свободный на земле свободной». Но Фауст этого не видит. Он ослеп. И может быть потому ему кажется, что все, наконец-то, обстоит как надо...

Елена и Валерий УКОЛОВЫ
Портрет работы О. Кипренского